

БОГОСЛУЖЕНИЕ

ЛИТУРГИЯ, СИМВОЛ И ТАИНСТВО

Шмеман Александр, прот. / Fr. Alexander Schmemmann

Лекция, прочитанная прот. Александром Шмеманом 2 мая 1968 г. в Лютеранской семинарии в Геттисбурге, штат Пенсильвания. Записана с аудиокассеты, автором не редактировалась. Перевод на русский язык Е.Ю. Дорман.

Я не знаю, сколько православных священников уже говорили с этой трибуны, и не знаю, скольким еще предстоит выступить в будущем, после того, как я сегодня произнесу свою речь. Однако, поскольку семинария расположена на поле битвы (Осенью 1863 г., во время гражданской войны, в Геттисбурге произошло кровопролитное сражение, принесшее победу армии северян. — *Прим. перев.*), вероятно, уместно вспомнить, что экуменическое движение — это не просто поверхностно-вежливые отношения, при которых мы помещаем рядом иезуита, раввина, протестанта, православного и большой американский флаг и все улыбаемся друг другу в духе новой эры, но у него есть и другая сторона. И всегда следует помнить о двух сторонах этого движения. Во-первых, нужно посмотреть, насколько мы действительно едины, едины во Христе, а во-вторых — насколько мы действительно разъединены. Думаю, что если мы разорвем связь между этими двумя вопросами, то поместим экуменическое движение в неправильную перспективу.

Моя тема сегодня — богослужение, литургия. Все, я уверен, согласятся со мной в том, что литургия, как и все в современном христианстве, находится в состоянии кризиса. Все в Церкви сегодня ставится под вопрос, но эти вопросы как бы фокусируются на богослужении. И так происходит потому, что именно эта область — сердце всего христианства. В литургии мы исполняем и практикуем свою христианскую веру. Мы стараемся передать и провозгласить нашу веру именно с этого пика христианства. Таким образом, поскольку литургия так важна и поскольку вопрос о том, как сделать богослужение более нужным и близким людям, заставляет нас более пристально рассмотреть литургию, мы видим, что перед нами стоит великая задача. Сегодня обсуждение литургии необходимо как никогда.

Не проходит и дня, чтобы я не получил какого-нибудь нового комментария на решение Второго Ватиканского собора о литургии, которое и так составлено очень подробно. Знаете, все будущее христианства, похоже, зависит от того, будет ли священник стоять перед людьми или перед Богом. Как сказал мне когда-то один старый бенедиктинский монах, мы любили Бога и стояли перед Ним, а теперь мы любим людей и обращаемся к ним.

В обсуждение литургии вовлечены самые разнообразные темы, к примеру такие, как технические детали богослужения. И вся эта дискуссия происходит на фоне обсуждения вопросов актуальности, неактуальности, возрождения, *aggiornamento* и т.д. (*Aggiornamento (итал.)*, букв. — *осовременивание*. Термин введен II Ватиканским собором (1962–1965), принявшим масштабную программу адаптации неотолизма к установкам современной культуры. — *Прим. перев.*) Я уверен, что все, кто следит за этими шумными спорами, ощущают, как и я, что далеко не все еще ясно. Все время предлагаются новые способы богослужения и понимания литургии, но мне кажется, что некоторые основополагающие принципы еще ждут прояснения.

Недавно в журнале «Взгляд» появилась статья об авангардной Католической Церкви Голландии. Одного литургического «возрожденца» спросили, продолжает ли он служить в облачении. Он ответил: «Да, естественно, но, конечно, в сером, строгом облачении». Прочитав это, я спросил сам себя: «А почему серое, строгое облачение более подходит к случаю, чем, скажем, красное или желтое? Почему важно делать одно, а не другое?» «Конечно, — может ответить голландский священник, — всему отведено свое место и значение». И вот такой ответ — «конечно» — характеризует формирующийся сегодня истеблишмент. Эти люди говорят все время, что «конечно» Церковь должна обращаться к народу, что «конечно» мы должны служить в сером облачении, что «конечно» все алтари в стиле рококо должны быть заменены новыми цементными и т.д. И все это — «конечно». Но почему должно быть так? Почему они уверены в своих ответах, начинающихся с «конечно»?

ЗНАЧЕНИЕ СИМВОЛОВ

Я хочу поделиться с вами своей тревогой. Безусловно, у меня нет ответов на все вопросы и нет четкой программы. Но я могу сформулировать некоторые предварительные вопросы, которыми, по моему убеждению, не задавались те, кто пришел к означенным выше выводам.

Сегодня, как мне кажется, все сходятся в том, что литургия состоит из символов. Безусловно, богослужение невозможно без символов. Богослужение символизирует веру. После этого обычно говорят, что поскольку старые символы потеряли актуальность, то нам нужны новые символы. И поэтому все литургическое творчество нашего времени направлено на определение таких символов, которые, предположительно, понятны современному человеку. Предлагают даже ввести служение мессы под гитару. Подобные нововведения предлагаются потому, что они, опять же предположительно, лучше символизируют новые нужды. Это-то все понятно, но значение самого слова «символ» остается неясным.

Очень, очень легко сказать, что старые символы стали неактуальными и что нам нужны символы новые. Но когда мы сталкиваемся с таким кризисом символизма, при котором один набор символов устраняется и формируется другой, долженствующий занять место старого, то возникает вопрос не только о том, каковы эти символы, но и — что этим символизируется. Мы можем спросить: «Что такое символ в литургии?» Или: «Чем литургия символична?» и «Что символизирует собой литургия?»

И я хочу начать с поверхностного и общего анализа этого термина «символ», который сегодня так широко используется, но который, похоже, не все понимают одинаково. Я сам — православный, живущий на Западе, и потому я постоянно перевожу — как вслух, так и мысленно — богословские категории с одного богословского языка на другой. Термин «символ» я знаю в двух основных «воплощениях» — восточном и западном. Правда, западное понимание символа также было довольно популярно на Востоке в последние пару сотен лет благодаря нашему «озападненному» богословию.

Но когда я думаю о символе, то вижу, что в западных языках сегодня это слово означает в первую очередь нечто, что противопоставляется реальности. Когда на Западе мы называем что-то символическим, то представляем это чем-то не вполне реальным. Весь спор Востока и Запада о Евхаристии, например, сосредоточен на этом. Кажется, что литургия, при упрощенном средневековом

подходе, рассматривается как набор символов, и вдруг символы исчезают и мы оказываемся перед лицом реального «присутствия». Для Востока эта идея выглядит довольно странной. Как, спрашиваем мы, может присутствие быть не реальным? Почему слово «присутствие» нужно усиливать словом «реальное»? В таком случае что-то не так либо с «присутствием», либо с «реальностью».

Дело же в том, что, в дополнение ко всему другому, что произошло за долгую историю развития христианского богословия, самым трудным и трагическим событием стало разрушение первоначального христианского понимания символа. Сегодня, говоря о символах, мы думаем о чем-то подобном химическим символам (такой-то символ означает воду и т.п.). Мы знаем, что зеленый свет светофора означает возможность беспрепятственно пересечь улицу, а красный свет заставляет нас остановиться и ждать. Но это так только потому, что мы договорились о таком значении этих цветов. Например, Мао Цзе-дуну не понравился подобный символизм, и он изменил его. Сегодня в Пекине красный свет означает свободный путь, а зеленый — остановку. И ничего в этом страшного нет, если в Пекине все знают, какой цвет имеет какое значение.

Таким образом, мы показали здесь те символы, которые на самом деле следует называть знаками, обозначениями, потому что они имеют дело с чем-то общепринятым. Мы просто договорились, что то-то и то-то обозначает общую для всех реальность. Мы можем поменять все химические формулы или другие знаки и, договорившись о другой системе символов, продолжать понимать друг друга. И химия от этого не изменится.

Однако символ в том значении, какое он имел изначально, — это не просто знак. Он означает нечто гораздо большее, чем простое обозначение. Возможно, лучше всего начать объяснение этого термина с греческого смысла этого слова. Слово «символ» происходит от греческого глагола *symballo*, что означает совпадение, соединение, слияние. Но, несмотря на приведенную дефиницию, «символ» на деле не поддается определению. Его можно понять больше на уровне интуитивном. В нем соединяются две реальности. Можно также сказать, что одна реальность выражается через другую реальность.

Греческие святые отца называли Тело Христа, хлеб, на Евхаристии символом. Но они ни в коем случае не имели в виду, что это означает, на западном языке, чисто символическое присутствие Христа в Евхаристии. Они использовали слово «символ» для обозначения того, что западные теологи имеют в виду под понятием «реальное присутствие». Символ указывает на то, что одна реальность может не только означать другую реальность, но и являть и передавать ее нам, и поэтому символ — больше чем знак. Я знаю, что химическая формула H_2O означает воду, хотя никакой воды в самой формуле нет. У символа нет подобных ограничений, он участвует в той реальности, на которую указывает. Символ не просто умозритель и воображаем, он — онтологичен и экзистенциален. Это — реальность, которая во всей полноте выражается, является и сообщается через другую реальность.

К тому же мы можем сказать, что *символ — такое выражение другой реальности, которое не может быть заменено ничем другим*. Он возникает не просто как результат договоренности, когда люди собираются вместе и решают, что первым способом передачи благодати в христианстве будет вода крещения. Мы не можем это сказать, так как вода первичнее любого

богословия или теории крещения. Вода, я бы сказал, — вечна. И она — адекватный символ того, что было исполнено Христом в Крещении.

Таким образом, символ — это не просто указание на нечто иное. Это — присутствие этого иного. Присутствие того, что не может присутствовать иным образом. И в этом суть дела. Символ — это присутствие того, что не может присутствовать иным образом, по крайней мере в этом мире, в это время, в контексте нашей жизни.

Несколько упрощая, можно сказать, что с этой точки зрения христианство действительно полностью и необходимо символично. *Видевший Меня видел Отца* (Ин. 14:9). Нельзя увидеть Отца иначе, чем через совершенный символ — Христа. Христианство, поскольку оно есть возвещение, манифестация и присутствие в этом мире в это время, по необходимости онтологически символично.

ЛИТУРГИЯ КАК LOCUS СИМВОЛИЧЕСКОГО

Теперь мы перейдем к следующему вопросу. Как выражается символизм христианства? Ответ на этот вопрос мы найдем в богослужении. Я утверждаю (и это мое утверждение носит лишь своего рода керигматический характер), что богослужение или церковный год с самого начала были locus'ом символического. Мы можем заметить, что церковный год являет совсем не то, что было в языческих или традиционных религиях. Христианский церковный год являет нечто большее. Что делает христианское богослужение *phenomenon bene fundatum* (лат. — хорошо обоснованное явление (термин Лейбница). — *Прим. перев.*), а не просто одним из возможных проявлений христианства? В нашей жизни так много обрядов, например — перерыв на кофе с десяти до одиннадцати утра и т.п. Но что делает богослужение тем местом, в котором христианство являет этот символ иных реальностей, являет их как поистине присутствующие? Богослужение стоит в центре христианства именно потому, что им онтологический символизм христианства становится реальностью, исполняется и вручается нам.

Возможно, будет полезно объяснить то, что я имею в виду, на примере самой литургии, чтобы избежать излишней отвлеченности в нашей беседе. Вопрос о том, что символизирует собой литургия, очень актуален для сегодняшней дискуссии. Я помню, как происходило литургическое обновление, стремящееся приблизить богослужение к людям, в 1940-х годах в Париже, где я тогда жил. На конференции по этому вопросу, организованной католиками, я увидел нечто для себя совершенно новое. На алтарь были принесены дары — и не только хлеб и вино, но и другие любопытные предметы. Две секретарши принесли, например, свои пишущие машинки, другие принесли свои орудия труда и т.д. Ничего страшного в этом не было постольку, поскольку таким образом литургию пытались приблизить к народу и это казалось очень современным и заманчивым. Но я задал один вопрос, и этот вопрос вызвал большой скандал на конференции. Я спросил: «Когда вы приносите на алтарь хлеб и вино, вы хотя бы знаете, что делать с ними потом. А что вы будете потом делать с пишущей машинкой?» Мне казалось, что унести ее обратно было бы очень неловко.

Другими словами, эта пишущая машинка, принесенная как дар к алтарю, была символом, который на самом деле ничего не передавал, ничего не значил. Идея человеческого труда, символизируемая рабочими инструментами, очень

полезна на занятиях воскресной школы, поскольку показывает, что эти предметы могут быть полезными орудиями Царства Божьего. Замечательно! Но, безусловно, существует принципиальная разница между хлебом и вином, которые куда-то возносятся и потом возвращаются к нам, и инструментами, которые потом просто положат обратно в ящик. Приносимые нами хлеб и вино возвращаются к нам как Плоть и Кровь Христовы.

Боюсь, что современные поиски новых символов именно таковы. Я посещаю различные студенческие конференции, и мне все больше и больше кажется, что Евхаристия рассматривается как символ нашего единения, как обряд, через который мы выражаем нашу сплоченность, как своего рода литургический аналог совместных маршей и демонстраций.

Но Евхаристии совершенно не нужно выражать нашу сплоченность. Мы можем выразить ее, устроив, например, банкет в подвале церкви, хотя не всякий банкет является Евхаристией. Та граница, которая разделяла эти два типа трапезы и в то же время показывала, в чем они сходны, сегодня исчезла. Сегодня все должно быть символом. Все должно выражать то, что мы делаем, что думаем, в чем нуждаемся и чем являемся. Но вот мой главный вопрос. Является ли литургия в первую очередь символом того, что мы делаем, чего мы хотим, нас самих? Неужели она действительно — символ человека XX века, человека XVI века или любого другого человека?

ЛИТУРГИЯ КАК СИМВОЛ ЦАРСТВА

Литургия не символизирует ничего, относящегося к нам. Она — символ той таинственной и тайной, главной и ошеломляющей реальности, без которой христианство просто не существует. Она — символ Царства Божьего. *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3:2). *Да придет Царствие Твое* (Мф. 6:10). Каждый человек, с пятилетнего возраста и до смерти, имеет право спросить: «Что это такое — Царство Божие? Как я могу желать его? Как могу любить его? И как я могу поставить его превыше всего и продать все, что имею, по евангельской притче, чтобы получить самое вожделенное, что носит название Царства Божия, если я даже не знаю, что это такое?». Конечно, Царство Божие может заменить что-то земное, но оно — не в мире сем. Оно присутствует в нашем мире, но оно — не в нем. Царство Божие, безусловно, — сердцевина евангельской вести. Мой тезис таков: *литургия — это в первую очередь символ присутствия, знак, утверждение, сообщение Царства Божия и радость о нем.*

Первая и основная реальность этого символа, или того, что этот символ выражает, — это явление Царства. Через него мы становимся причастными тому, что только еще грядет, но в то же время приходит к нам в символах, в которых мы совершенно реально участвуем, через которые мы любим Царство, желаем его, и в мире сем этот символ становится организующим принципом, ориентиром, критерием всех наших действий. Таким образом, если мы устраним из литургии этот символ Царства Божия, литургию можно будет представлять себе как изоциренный символ чего угодно, по нашему усмотрению, мы сможем вложить в нее любой сиюминутный смысл.

Однако меня могут спросить: «Чем можно символизировать Царство Божие? Можно ли с уверенностью узнать, что именно символизирует его? Какое оно — красное и желтое или серое и строгое? Символизируют ли его херувимы и ангелы на барочном алтаре лучше, чем что-либо другое? Хорошо, — говорят

они, — рассуждать о Царстве Божиим, но что это такое?» Для кого оно — Бах, а для других — гитара. Для одних Царство — византийская процессия, которую в греческой архиепископии называют древней и торжественной, другие же на дух не выносят этот тип полувизантийской, полутурецкой пышности. Все это нельзя со строгой богословской ответственностью назвать адекватными выражениями Царства Божия, это — лишь попытки создать символ Царства Божия. Если и есть на свете икона Царства Божия, то это — просто все Божье творение.

Однако греховность человека, его порочность (если использоватьеся добрый старый протестантский термин), его отделение от Бога, его предательство, его первородный грех превратили этот мир также и в символ ада. И именно по этой причине нужна Церковь, нужна, чтобы восстановить тот символ, о котором мы говорили. Поэтому пришел в этот мир Христос. Он пришел, чтобы стать символом той одной истинной реальности, в которой все содержится, символом, который выражает все — от творения до исполнения, когда Он воистину станет *все во всем* (1 Кор. 15:28), когда соберет к Себе весь мир. И это значит, что потенциально все в этом мире — чаша, которую может заполнить Собой Христос.

ЦАРСТВО И МИР

Здесь можно сформулировать мысль, к которой я шел с самого начала доклада, мысль, которая соединяет Царство и мир. *Церковь следует рассматривать как символ мира, который преобразует мир в символ Царства Божия.* Назовем, если хотите, это преобразование *таинством*. Ибо смысл таинства именно в этом. Таинство — это то медленное движение куска хлеба от церковных дверей к алтарю. Когда хлеб появляется в *эксцелси*, то есть собрании, он — мир, истинный символ мира, поскольку не существует сам по себе. И он будет преобразен в мое тело и в твое тело. Хлеб — результат моего труда и твоего труда. В процессе приношения хлеб и вино — это я, ты, весь мир, космос. Потом они достигнут алтаря и раскроются, явятся нам как Тело Христово.

Что же происходит между внесением хлеба и вина в церковь и преобразованием их в Тело Христово? В этот промежуток времени мы приносим Богу Евхаристию, благодарение, мы смотрим на этот хлеб и делаем то, что не позволял сделать человеку первородный грех: мы «евхаристуем» его. Совершить Евхаристию, принесли Богу благодарение за что-то — это не просто вежливо сказать: «Спасибо, Боже!». Скорее это фундаментальный библейский акт благословения Бога. Я благословляю Бога за все то, что Он дает мне, то есть за возможность общения с Ним. Я благословляю Его, потому что я открыл для себя смысл, радость, божественное утверждение всего существующего, символ мира, связь с Царством Божиим через Евхаристию.

Церковь — это таинство мира и таинство Царства. Таинство мира, потому что как община, сердце, пища и питье, мудрость и любовь она представляет мир во всей его сложности, во всей его глубине. Церковь для нас — таинство мира и в то же время присутствие и явление нам того, *чего не видел глаз, не слышало ухо и что неприходило на сердце человеку* (ср.: 1 Кор. 2:9). Церковь — это присутствие того, что *приготовил Бог любящим его* (1 Кор. 2:9). Поэтому она, в этом смысле, и таинство Царства.

Здесь уместно вспомнить споры о том, как должен стоять священник: лицом к народу или лицом к Богу? Наш ответ прост: оба положения одинаково существенны. Так же как и Христос один; когда Бог смотрит на мир и на нас, Он видит Христа. Когда мы смотрим на Бога, мы видим Христа. Таким образом, Он — Тот, Кто представляет всех нас. Он ведет нас, и Он — наше таинственное приношение Богу. И Он же вечно стоит перед нами, потому что Он — приношение Бога нам. Так, мне кажется, что, достигая этого уровня символа, литургии, таинства, мы приобретаем способность эффективно разобраться с встречающимися в повседневной нашей жизни трудностями и проблемами, а то и найти ответы и решения на все проблемы. Как мы сможем это сделать?

Определились ли вы уже, кто вы — либерал или консерватор? Причина моего вопроса в том, что, как мне кажется, сегодня литургическая жизнь Церкви, всех Церквей, протекает по известному принципу: *de gustibus non est disputandum* (О вкусах не спорят (*лат.*). — *Прим. перев.*). Поговорим и о других вкусах. Вам нравится грегорианский распев, а мне — негритянские религиозные гимны. Вы хотите, чтобы Евангелие проповедовалось на языке «Нью-Йорк Таймс», а я предпочел бы слышать старую английскую прозу. Мы можем обсуждать свои вкусы бесконечно, хоть до Второго Христова пришествия. И в этом, вероятно, всегда будет осуществляться тирания меньшинства. Но если мы согласны в основном — в том, что мы делаем, что такое Церковь, что такое церковный год, то все не так плохо. Мир входит в Церковь. И тогда Церковь возводит нас наконец на гору Фавор, гору благодарения, и именно поэтому мы поем и ликуем. Мы поем не потому, что Чайковский написал музыку, а потому, что наше сердце наполнено тем, что выражают слова: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь неба и земля славы Твоя». И это Евхаристия в ее истинном выражении.

С одной стороны, я открываю утренние газеты и читаю о мире. Скажем, я — профессор Колумбийского университета, который, судя по газете, переживает в настоящий момент не лучшие времена. То, что я читаю, заставляет меня думать, что мир не полон божественной славы. И какое место занимает богослужение в этом постоянно испытывающем кризисы мире? Почему я с таким трудом проживаю неделю между двумя воскресеньями? Потому ли, что мне нужен отдых? Потому ли, что мне нужно немного цветов и две минуты покоя, то, что я наблюдал в Троицком храме на Уолл-стрит? Эта церковь говорит бизнесменам в полдень: «Приходите сюда отдохнуть, освежиться звуками *andante cantabile*, цветами и тишиной, и вы сможете после этого лучше работать».

ПОТРЕБНОСТЬ «ПОДНИМАТЬСЯ» И «ОПУСКАТЬСЯ»

Нет, это не то, для чего мне нужно богослужение, потому что, читая утренние газеты, я прихожу либо в отчаяние от мира, либо привыкаю относиться к нему цинично. Богослужение мне нужно не для утешения, отдохновения или отстранения и ухода. Мне необходимо подняться, мне нужно быть поднятым, нужно идти вверх к Христу на гору Фавор, где я смогу опять сказать вместе со всей Церковью на небе и на земле, что «исполнь небо и земля славы Твоя». А потом мне придется спуститься вниз, пойти в университет и каким-то образом увидеть там Его славу. Мне не нужно пытаться быть «всеми для всех» (см.: 1 Кор. 9:22) в том смысле, как это понимается в мире: троцкистом с троцкистами, поклонником Че Гевары с поклонниками Че Гевары. Не об этом я говорю. Я должен свидетельствовать о том, что Христос пребывает со всеми.

И в этом назначение литургии, богослужения. *Назначение таинства в том, чтобы сделать литургию исполнением того, чем мы еще полностью не обладаем, но ожидаем.* И поскольку мы можем предвкушать Царство во всей его полноте, мы можем поэтому желать его и свидетельствовать о нем. Именно это показывает нам современное изучение богослужения. Литургия — это движение, которое помещает нас в гущу этого мира. И не так важно, сидим ли мы или стоим в определенные моменты службы. Скорее, литургия ведет нас туда, где Христос. Если какое-то убогое богословие веками считало что священник обладает властью принести немного Христа к алтарю и помещать Его иногда в комнатку, запирающуюся на ключик, то такой тип богословия также подразумевал, что священник имеет право забрать Христа с небес. И я думаю, что в этом главная причина Реформации. Я не нахожу в богословии никаких доказательств такой странной власти священника. Богословие только говорит мне, что Христос восшел на небо. Если Он действительно присутствует, как думают некоторые, на всех алтарях в одно и то же время, то, как мне кажется, место по правую руку Всемогущего Бога всегда пусто. В действительности же происходит нечто противоположное. Это не Он снисходит к нам, а мы восходим к Нему. Если мы хотим быть сегодня со Христом, то должны подниматься, а не опускаться. И мы не должны делать это в духе дешевого триумфализма, но в том духе, в котором Он сказал: *Отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего* (Мф. 26:29). И в Евангелии от Луки Он говорит: *И Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем* (Лк. 22:29–30). И каждый раз, когда мы творим воспоминание о Нем, мы пребываем там, в Его Царстве. Мне неинтересно, где находится рай. Как сказал Иоанн Златоуст, «что мне до неба, когда я сам становлюсь небом?» (*Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к евреям. Беседа 16, 3. Полная цитата: «Что мне до неба, когда я созерцаю Владыку неба, когда сам становлюсь небом?» — Прим. перев.*). И в это объяснение слов: «Sursum corda», «Горе имеем сердца». Таким образом (от символа к литургии, к таинству, к миру, к Церкви и к Царству) мы восстанавливаем, как мне кажется, нечто такое, что чуждо современному христианину.

Недавно я выступал перед группой монахинь в Вашингтоне. И вдруг они все мне сказали: «*Mea culpa, mea culpa, mea culpa* (Я согрешил (*лат.*). — *Прим. пер.*). Мы провели столько веков в молитве, а теперь должны идти в мир. Кто же теперь будет молиться?» Им казалось, что раньше они имели небо и Царство, а теперь — только мир. Самое же ужасное — это «экклезиопоклонство» в промежутке. Церковь, у которой нет ни мира, ни Царства, а только она сама, становится идолом.

Сегодня я вижу три тенденции. Мы имеем «светского» христианина, который все порицает и говорит, что собор неправильно построен. Такие люди утверждают, что существует только мир. Еще мы встречаем «мистиков», для которых не существует ни Церкви, ни мира, а только Царство. Царство они понимают, однако, как своего рода духовную пилюлю. И, наконец, мы имеем «экклезиопоклонников». И все уверены, что это и есть христианство. Но в действительности христианство все более убывает, когда мы не можем собрать эту трихотомию воедино. Если у нас не будет того «правильного» символа, наша христианская вера, наша пастырская работа и, наконец, само наше

существование, наше свидетельство о Христе в мире так и останутся несовершенными, лишенными чего-то существенного.

Именно это я хотел сказать сегодня. Когда я разговариваю с моими братьями-лютеранами, у меня всегда возникает ощущение, что они с сомнением относятся к средневековому богословию о реальном присутствии в такой грубой форме. Я всегда испытывал сомнения, когда читал Лютера, и должен признаться, что это славословие — «Свят, свят, свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя» — выражает то, что мы сильно желаем, но не можем по-настоящему понять. Таким образом, нам следует не только продолжать работу по возрождению литургии, но и попытаться заново прийти к пониманию того, *что такое литургия*. Возможно, нам следует, до определенной степени, объединить наши усилия.

Опубликовано в: Шмеман А., прот. Собрание статей 1947-1983. М.: Русский путь, 2009. Перепечатка с разрешения издателя.